

**Российская Академия Наук
Институт философии**

На правах рукописи

ГЕЛЬФОНД Мария Львовна

**НРАВСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНОЕ УЧЕНИЕ Л.Н.ТОЛСТОГО:
ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ И НОРМАТИВНЫЙ СМЫСЛ**

Специальность 09.00.05 – этика

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Москва 2011

Диссертация выполнена в секторе этики
Института философии РАН

Научный консультант: доктор философских наук, профессор,
академик РАН **Гусейнов А.А.**

Официальные оппоненты: доктор философских наук,
профессор **Кашников Б.Н.**

доктор философских наук,
профессор **Разин А.В.**

доктор философских наук,
профессор **Сухов А.Д.**

Ведущая организация: Московский государственный
университет им. М.В.Ломоносова,
кафедра истории русской философии

Защита состоится «___» _____ 2011 г. в ___ часов на заседании Диссертационного совета Д 002.015.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук при Учреждении Российской академии наук Институте философии РАН по адресу: 119991, Москва, ул. Волхонка, 14/1, стр. 5.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института философии РАН.

Автореферат разослан «___» _____ 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук

Б.О.Николаичев

Общая характеристика диссертации

Актуальность темы исследования. Идея абсолютной морали – вечный вызов человеческому самосознанию, неизменно провоцирующий потребность в рациональном постижении и обосновании нравственных истин. В силу чего творчество тех мыслителей, чьи интеллектуальные искания и экзистенциальный опыт служат маяевтикой морально абсолютного, не подвержено идейной девальвации, всегда оставаясь по-настоящему современным. В подобном аналитическом контексте обращение к их наследию представляет собой прорыв в будущее, а не попытку задержаться в прошлом, ибо позволяет по-новому взглянуть на аксиоматику традиционных моральных систем. А потому подлинная моралистика нуждается не столько в адептах, сколько в провокаторах.

В ряду последних Л.Н.Толстой – знаковая фигура. Его религиозно-философский синтез представляет собой оригинальный пример универсального религиозно-нравственного жизнеучения, которое органично сочетает в себе глубокое теолого-метафизическое мирозерцание, всеобъемлющий рациональный критицизм и напряженную моральную рефлексию. Уникальность этого явления напрямую обусловлена тем, что Толстой-мыслитель неразрывно соединил в себе две ипостаси: философа, силой своего интеллекта попытавшегося подвергнуть беспощадной проверке и теоретически прояснить основополагающие истины жизни, и учителя жизни, стремившегося перевести их в плоскость прямой нормативной действенности. При этом Толстой-философ неизменно выступал как радикальный реформатор собственной жизни, ставшей полигоном непосредственной реализации проповедуемых им принципов, в то время как Толстой-учитель жизни всегда сохранял склонность к последовательному философскому сомнению и рациональной рефлексии в отношении всех своих мыслей и поступков без исключения. Именно поэтому Толстой не подходит на роль персонажа агиографического повествования. Он – неуемный искатель истинного смысла человеческого существования, а его духовное наследие – исповедально-искреннее откровение пути к предельной рациональной проясненности.

сти этого смысла и максимальной полноте его практической реализации. Поэтому анализ истоков и путей формирования религиозно-философской позиции великого русского писателя дает уникальную возможность воочию увидеть процесс становления этико-нормативных программ, исходно ориентированных на житейскую прагматику индивидуально-ответственного бытия, а не его метафизическое обоснование или социологический мониторинг.

Однако внутренняя архитектура толстовского жизнеучения, равно как и сам факт организационно-систематической целостности последнего, продолжает оставаться открытой проблемной областью современного этико-философского исследования. Это главным образом объясняется тем, что учение Толстого по-прежнему воспринимается как общественным, так и научным сознанием крайне стереотипно, нередко заведомо предвзято и чаще всего фрагментарно: его наиболее известную сторону составляет практически нацеленная на абсолютный отказ от насилия и его окончательную моральную дискредитацию нравственно-религиозная доктрина, необходимые метафизические предпосылки, теоретические основания и, отчасти, ценностно-императивные следствия которой оказываются скрытыми в глубинах оригинальных религиозно-философских построений мыслителя, как правило, мало знакомых широкому кругу читателей.

Не менее опасным просчетом критиков и исследователей зачастую становится игнорирование того, что любая избранная в экспертно-аналитических целях, т.е. по сути привнесенная извне, «точка сборки» комплекса религиозно-философских идей Толстого неизменно оказывается «точкой бифуркации», разрушая любые планы всецело схематизировать и окончательно квалифицировать толстовское жизнеучение во всей его идейной масштабности и синтетической универсальности. А поскольку моралистика Толстого носит принципиально незавершенный, открытый характер, она вообще не вмещается в «прокрустово ложе» статичной этико-философской конструкции классического образца. Точнее всех эту парадоксальную ценность толстовского философствования определил С.И.Гессен, проницательно заметив, что «непреходящее в мыслителе ... есть не завершенная в себе система, а именно та апоретика, которая остается

после того, как система будет разорвана»¹. В таких условиях задача формирования целостного образа духовного наследия Толстого приобретает как несомненную значимость, так и особую сложность, ибо, по сути, требует совмещения деконструкции и реконструкции его идей. Иначе говоря, исследование должно установить их систематическую целостность, предварительно разложив ее на составные части и выделив основные этапы ее эволюции, а затем восстановить искомый содержательно-структурный континуум системы, причем не в ее искусственной статике, а в присущей ей изначально динамике естественного развития. Тем самым создаются предпосылки для преодоления укоренившихся в отечественном толстоведении мифов о бессистемности, догматизме и эклектичности философского мышления писателя.

Однако актуальность предлагаемого в диссертации подхода к изучению толстовского жизнеучения как органического единства его объяснительного и императивного компонентов задается не только потребностями этической теории и истории моралистики, но и открывающимися возможностями осмысления и оценки практической эффективности предложенной мыслителем этико-нормативной программы в ценностном пространстве современной культуры.

Объект и предмет исследования. В качестве *объекта исследования* выступает нравственно-религиозное учение Толстого как уникальная мировоззренческая программа, представляющая собой сложный комплекс исходных ценностных установок, фундаментальных метафизических положений и конкретных моральных предписаний. *Предметом исследования* служит внутренняя архитектура толстовского жизнеучения, специфика которой обнаруживает себя в особом характере соотношения его теоретических оснований и нормативных принципов.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является категориально-методологическая реконструкция нравственно-религиозного учения Толстого, позволяющая квалифицировать соотношение в нем теоретической и императивной составляющих и продемонстрировать цело-

---

¹ Гессен С.И. Лев Толстой как мыслитель // Русские мыслители о Льве Толстом. – Тула: Издательский дом «Ясная Поляна», 2002. С. 510.

стность предложенной мыслителем этико-нормативной программы, а также определить тип толстовской моралистики и ее место в истории как отечественной, так и мировой философской мысли и духовной культуры в целом. При этом реализация указанной цели предусматривает предварительное формирование специальной исследовательской модели, максимально учитывающей специфику нравственно-религиозного учения Толстого, которое представляет собой не академически строгую этико-философскую систему, а предельно широкий религиозно-философский синтез.

Цель диссертационной работы достигается посредством поэтапного решения следующих задач:

1. Систематический анализ идейного наследия Толстого в качестве философски отрефлексированного и текстуально оформленного отражения смысло-жизненных исканий мыслителя, методом которых служит гармонизация разума и веры.

2. Раскрытие природы и специфики антропологических представлений Толстого и выяснение их роли в формировании его нравственно-философской позиции в целом.

3. Установление истоков и квалификация основных положений религиозно-философского жизнепонимания Толстого.

4. Идентификация и всестороннее рассмотрение особенностей толстовского обоснования морали с позиций предложенной мыслителем версии соотношения религии и нравственности, задающей концептуальную доминанту этико-философского рассуждения Толстого.

5. Теоретическая экспликация и систематика основных категорий этики Толстого.

6. Выявление и осмысление ключевых характеристик выделяемых мыслителем императивно-ценностных принципов функционирования морали в контексте общетеоретической оценки возможностей и пределов ее последовательной рационализации.

7. Культурно-историческое и этико-философское дефинирование понятия «насилие» и компаративный анализ различных трактовок его содержания в свете толстовской концепции зла.

8. Определение места непротивленческой парадигмы в системе нравственно-религиозных построений мыслителя; выявление и оценка степени соответствия императивной формы и ценностного содержания принципа непротивления злу насилием в этике Толстого, а также реконструкция, классификация и анализ используемых им способов аргументации необходимости абсолютного отказа от насилия как средства борьбы со злом и технологии социально-политического влияния.

9. Выяснение генеральных идейных установок, обнаружение общих оснований и логический анализ наиболее значимых методических приемов систематически организованной и концептуально консолидированной этико-философской критики толстовского учения о непротивлении злу насилием в отечественной религиозно-философской мысли конца XIX – начала XX века (в форме четырех последовательно представленных историко-философских экскурсов, посвященных реконструктивному и, отчасти, сравнительному рассмотрению ведущих моделей вышеозначенной критики, авторство которых принадлежит В.С.Соловьеву, Н.Ф.Федорову, Н.А.Бердяеву и И.А.Ильину).

10. Раскрытие экзистенциальной и нормативной сущности идеи духовно-нравственного самосовершенствования человека и характеристика условий и возможных результатов ее жизненно-практической реализации.

11. Этико-герменевтический анализ толстовской трактовки евангельской заповеди милосердной любви как центральной теолого-философской категории его нравственно-религиозного учения и высшего универсального закона жизни, а также раскрытие соотношения этического и метафизического содержания последнего и императивная демаркация предписаний закона любви и принципа ненасилия в рамках этико-нормативной программы мыслителя.

12. Реконструкция основных способов интерпретации Толстым концепта свободы воли и выяснение этико-философской состоятельности предпринятого мыслителем синтеза деонтологического ригоризма и индивидуального перфек-

ционизма в качестве средства преодоления фундаментальной дилеммы обязывающей необходимости закона и свободной устремленности к идеалу.

Теоретическая основа исследования. Теоретическую основу диссертационной работы составляют два хронологически дифференцированных комплекса исследований в области чрезвычайно обширной и предельно разнообразной толстоведческой проблематики. К первому из них могут быть отнесены тематически, концептуально и жанрово разнородные сочинения философов-современников Толстого, условно объединенные общностью интереса к находящейся в фокусе их внимания персоналии, а также преимущественно критической мотивированностью их позиций. К числу наиболее ценных в теоретическом отношении произведений подобного рода принадлежат труды таких выдающихся деятелей отечественной культуры рубежа XIX – XX столетий, как В.С.Соловьев, С.Н.Булгаков, В.В.Зеньковский, Н.А.Бердяев, И.А.Ильин, Н.Ф.Федоров, С.Л.Франк, Н.О.Лосский, Н.Я.Грот, Л.И.Шестов, В.В.Розанов, Г.В.Флоровский, С.И.Гессен, П.Б.Струве, Б.П.Вышеславцев, Д.С.Мережковский, А.Белый и др. Авторское восприятие религиозно-философского наследия Толстого в значительной мере сложилось благодаря знакомству с точками зрения указанных мыслителей и внутренней полемики с ними.

Второй комплекс теоретических источников диссертационного исследования составляют работы тех современных российских этиков, чьи научные интересы лежат в плоскости изучения и оценки наиболее резонансных идей Толстого (главным образом, этики ненасилия). В ряду этих исследователей прежде всего необходимо упомянуть имена А.А.Гусейнова, Р.Г.Апресяна, Е.Д.Мелешко, В.И.Толстых, Ю.Н.Давыдова, А.Д.Сухова, В.Н.Назарова, В.К.Кантора, О.С.Соиной, Н.С.Козлова, К.Г.Исупова, А.А.Горелова, Е.И.Рачина, А.В.Прокофьева. Их аналитические подходы и выводы сыграли важную роль в формировании исследовательского замысла диссертации.

Обзор источников. Основной корпус источников, на материале которых проводится данное исследование, составляют наиболее теоретически фундаментальные и общественно резонансные религиозно-философские трактаты

Толстого. Однако исключительное тематическое разнообразие и идейное богатство толстовского творческого наследия в сочетании с его внутренним целевым и мировоззренческим единством обуславливает расширение этого исходного круга религиозно-философских и нравоучительных произведений писателя за счет включения в него ряда литературных, публицистических и отчасти педагогических сочинений писателя, а также его дневниковых записей и произведений эпистолярного жанра.

Исключительное многообразие и огромный объем указанных источников требуют осуществления систематизации последних в соответствии с их жанровой и содержательной спецификой, а также стилистической формой и читательской адресацией. Учитывая вышеизложенное, следует использовать наиболее общий вариант классификации рассматриваемых произведений Толстого, предполагающий их условное подразделение на следующие основные разряды: *«исповедальный»* («Исповедь», «В чем моя вера?»); *«философско-теоретический»*, включающий трактаты Толстого, посвященные фундаментальным метафизическим, этическим и религиоведческим вопросам («О жизни», «Царство божие внутри вас...», «Религия и нравственность», «Закон насилия и закон любви» и др.); *«систематизаторский»* или *«популяризаторский»*, представляющий собой особый цикл толстовских работ, которые по сути своей являются не просто сборниками изречений «мудрецов мира», составленными Толстым в целях распространения наиболее важных для него духовно-нравственных истин, но и своеобразной формой воплощения и изложения системы его нравственно-религиозной философии («Круг чтения» и «Путь жизни»); *«богословско-герменевтический»* или *«экзегетический»* («Соединение и перевод четырех Евангелий», «Исследование догматического богословия» и др.); *«публицистически-полемический»*² («Не убий», «Не могу молчать», «Ответ на определение синода...» и др.); *«художественный»* («Война и мир», «Смерть

---

² К данному разряду произведений Толстого непосредственно примыкает группа его сочинений, содержание которых преимущественно посвящено актуальным социально-экономическим и политико-правовым конфликтам современной писателю эпохи («Так что же нам делать?», «О голоде», «Рабство нашего времени» и др.). Однако объединение этих работ в самостоятельный комплекс толстовских произведений не представляется целесообразным, поскольку используемая их автором методика анализа указанных проблем носит преимущественно моралистический характер.

Ивана Ильича», «Воскресение», «Отец Сергей» и др.); «литературно-критический» или «эстетический» («Что такое искусство?». «Об искусстве», «О языке народных книжек» и др.); «педагогический» или «дидактический» («О народном образовании», «Воспитание и образование», «О науке» и др.); а также чрезвычайно объемный, значимый и показательный в исследовательском плане, хотя еще недостаточно освоенный специалистами комплекс источников, в состав которого входят многочисленные дневники, письма и черновые заметки писателя, позволяющие пролить свет на скрытые особенности «внутренней лаборатории» толстовской мысли.

Методология исследования. Методологическая стратегия диссертации в целом определяется ее целью и задачами, реализация которых предполагает комплексный характер исследования. Основу его методологии составляют логическая реконструкция (структурное моделирование) и категориальная систематика этико-философских построений Толстого как единства религиозно-метафизической доктрины и этико-нормативной программы.

Необходимым условием для осуществления реконструкции нравственно-религиозного учения Толстого служит критический анализ перечисленных в предыдущем разделе сочинений мыслителя на предмет концептуального разграничения теоретического и нормативного аспектов их содержания. При этом центральная в рамках диссертационного исследования проблематизация идейной и композиционной целостности религиозно-философского наследия мыслителя предусматривает использование принципов системного подхода и отдельных элементов структурно-функционального метода, призванных способствовать выявлению внутренней архитектоники толстовского жизнеучения и обнаружению его системообразующих механизмов.

Метод категориально-логической реконструкции дополняется в рамках диссертационной работы методом герменевтического анализа. Их единство конкретизируется в таких исследовательских приемах, как установление аутентичного терминологического аппарата толстовского философствования; обнаружение свойственных мыслителю способов определения и соотнесения смысловых значений базовых понятий его нравственно-религиозного учения; уточ-

нение содержания неоднозначных терминологических конструкций или причин вариативности их использования в религиозно-философских текстах писателя; а также квалификация основных аргументов и фундаментальных структур мысли, характерных для этико-философского рассуждения Толстого. При этом специфика толстовского мышления обуславливает исторический контекст исследования его основных интенций и выводов, содержание которых должно быть рассмотрено и оценено с учетом внутренней динамики и открытости их характера.

Наряду с упомянутыми выше методами в диссертации широко применяются и различные приемы компаративного анализа. В первую очередь, для разрешения серии вопросов, касающихся идейной идентичности толстовского мировоззрения, т.е. установления степени и характера испытанных им религиозных и философских влияний, а также для выделения и формулирования ключевых критических аргументов, объединяющих позиции наиболее влиятельных оппонентов этики непротивления злу насилем.

Таким образом, весь арсенал используемых в диссертации методов и приемов анализа религиозно-философского наследия Толстого, составляющих комплексную исследовательскую программу, призван обеспечить эффективную реализацию общего замысла настоящей работы – продемонстрировать идейную оригинальность и содержательную целостность нравственно-религиозного учения мыслителя.

Степень разработанности основной проблематики диссертации. В отечественном и зарубежном толстоведении отсутствуют исследования с аналогичной или концептуально близкой диссертационной проблематике постановкой аналитических задач. Поэтому в ходе характеристики изученности темы автор имеет возможность апеллировать лишь к общим результатам тех идеологически и методологически неоднородных толстоведческих исследований, которые прямо или косвенно затрагивают вопросы мировоззренческой идентичности и структурной целостности религиозно-философского наследия Толстого.

Сознательно абстрагируясь от достаточно широко распространенного в академической среде скепсиса по поводу самой возможности квалифицировать толстовское философствование как некую содержательную и логическую упорядоченность мыслей, выделим три концептуально самостоятельные позиции, наиболее последовательно отражающие основные способы восприятия нравственно-религиозного учения писателя как интегрированной неким общим принципом целостности религиозно-философской доктрины и моральной проповеди: два возможных варианта субординационной (ассимилирующей) модели данного единства, рассматриваемого как прямое следствие полного подчинения одной из его составляющих другой (со сменой доминанты от мировоззренческой к сугубо нормативной его части), и координационная модель, в рамках которой оба указанных компонента, являющихся неотъемлемой принадлежностью системы нравственной философии Толстого, находятся между собой в отношениях структурного равновесия и строго паритетной взаимодополнительности.

Однако реализация намеченного выше плана существенно усложняется двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что для наиболее ярких и самобытных представителей отечественной философской традиции (С.Н.Булгакова, Н.А.Бердяева, С.Л.Франка и т.д.) творчество Толстого чаще становилось поводом для отдельных блестящих интуиций и филигранных критических замечаний, чем предметом развернутого анализа, в то время как последний оказывался уделом значительно менее оригинальных в своих подходах и суждениях адептов толстовства (таких, как В.Н.Ильин, П.П.Николаев или А.К.Чертков), искренне усматривавших свою задачу в компилятивно-реферативном изложении толстовских идей и добросовестно ее выполнявших в рамках целого ряда апологетически ориентированных сочинений. А во-вторых, тем, что означенные выше трактовки нравственно-религиозного учения Толстого носят преимущественно предварительный характер, только в редких случаях обретая контуры завершенной исследовательской программы.

Так, к первой позиции из выявленной нами концептуальной триады относятся точки зрения тех, кто считает: искомое внутренне единство действитель-

но присуще религиозно-философским построениям Толстого, но достигается оно за счет того, что толстовское учение в целом, если следовать логике С.Л.Франка, «по своим посылкам, по своему духу и внутреннему смыслу есть необходимое и правильное моральное отражение религиозного жизнепонимания» мыслителя³ (в силу чего именно последнее прежде всего заслуживает специального философского анализа).

В качестве отдельной разновидности данной позиции может рассматриваться широко представленная в отечественной религиозной философии и, отчасти, богословии конца XIX – начала XX века тенденция идентифицировать толстовское учение как плод рациональной десакрализации вероучения и исторического опыта христианства, внеконфессионально-космополитический «протестантизм» (имеющий крайне мало общего с протестантизмом историческим) новоиспеченного религиозного реформатора или заведомая фальсификация христианской традиции (не что иное, как ересь с формально-канонической точки зрения). Иначе говоря, «система переделанного христианства» (Г.В.Флоровский) или «отвлеченное международное христианство без Христа» (Д.С.Мережковский), т.е. неизбежный результат сознательного искажения мыслителем не только метафизического, но, в итоге, и этического смысла христианского учения по причине вопиющей неквалифицированности толстовской экзегетики.

В современном толстоведении данный подход находит свое частичное воплощение в работе Г.А.Попова «Лев Толстой о жизни и смерти. Проблемы жизни и смерти в религиозной философии Л.Н.Толстого»⁴, где творческое наследие Толстого реконструируется и осмысливается как сплав религиозного мировоззрения и духовного опыта.

Вторая позиция, напротив, иллюстрирует убежденность в том, что этика Толстого отнюдь не периферийна по отношению к его религиозной метафизике жизни. Более того, полагают сторонники подобной точки зрения, очевидная

---

³ См.: Франк С.Л. Памяти Льва Толстого // Франк С.Л. Русское мировоззрение. – СПб.: Наука, 1996. С. 452.

⁴ Попов Г.А. Лев Толстой о жизни и смерти. Проблема жизни и смерти в религиозной философии Л.Н.Толстого. – М.: Инфест, 2004.

идейная оригинальность, теоретическая ценность и универсальная культурно-историческая значимость этико-нормативной программы Толстого особенно отчетливо проявляются на фоне методологической слабости, мировоззренческой эклектичности и эвристической посредственности его теолого-метафизических построений. Как подчеркивает Н.Я.Грот, «ошибки Толстого лежат не в области морали», т.е. нормативности, а в сфере ее обоснований, точнее, их явной недостаточности, ввиду чего «в теоретическом отношении христианская мораль Толстого все-таки висит в воздухе»⁵, постепенно превращаясь в изолированную монотему его философствования. По этой причине в структуре последнего неизбежно возникает очевидный дисбаланс, вызванный, согласно предельно прозрачным формулировкам В.В.Зеньковского, гипертрофированием подчиняющего себе все и вся морального опыта мыслителя и рождающий «этический универсализм», на поверку оказывающийся «чистой тиранией» этики или крайним «абсолютированием морального начала»⁶. Природу этой панморалистической узурпации С.Н.Булгаков склонен усматривать в подрыве трансцендентности теонимных оснований человеческой нравственности и подмене их религиозным имманентизмом автономной морали. Тем самым толстовство превращается в анклав чистого морализма, беспощадно ассимилирующего все без исключения интенции человеческого мышления и, как неизменно настаивает Н.А.Бердяев, полностью нивелирующего неисчерпаемое ценностное разнообразие универсума.

Одним из оригинальных вариантов развития этой позиции в современном философском толстоведении служит концепция Е.Д.Мелешко, диссертационное и монографические исследования которой объединяются генеральной па-

---

⁵ См.: Грот Н.Я. Нравственные идеалы нашего времени. Фридрих Ницше и Лев Толстой // Русские мыслители о Льве Толстом. – Тула: Издательский дом «Ясная Поляна», 2002. С. 147.

⁶ См.: Зеньковский В.В. Проблема бессмертия у Л.Н.Толстого // Русские мыслители о Льве Толстом. – Тула: Издательский дом «Ясная Поляна», 2002. С.359; Зеньковский В.В. История русской философии. – Л.: ЭГО, 1991. Т. 1. Ч. 2. С. 201; Зеньковский В.В. Л Толстой как мыслитель (К диалектике его идейных исканий) // Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. – М.: Республика, 1997. С. 303.

радикальной редукции всего тематического богатства религиозно-философского синтеза Толстого к обоснованию принципа непротивления злу.⁷

И, наконец, третья, условно названная нами координационной, позиция получает свое наиболее последовательное выражение в серии статей А.А.Гусейнова, посвященных этике ненасилия.⁸ В ее императивно-ценностной основе автор усматривает архетипический инвариант абсолютной морали совершенствующейся личности, основанием которого служит тождество нравственного и абсолютного в пространстве индивидуально-ответственной деятельности человека. Таким образом, резюмирует А.А.Гусейнов, «человек не имеет дела с иным абсолютным, кроме морали»⁹. Единственно же возможным ее содержанием являются «негативные поступки», детерминированные категорически-всеобщим запретом любых форм и проявлений насилия. Именно это непреложное условие задает тот образ морали, который с максимальной точностью и целостностью воссоздает нравственно-религиозное жизнеучение Толстого. Ввиду этого последнее представляет собой внутренне упорядоченную совокупность императивно-ценностного содержания фундаментальных нравственных запретов и способов их религиозно-философского обоснования. Единство этой теоретико-нормативной структуры задает категориальная ось: *вера – Бог – ненасилие*, выступающая основным предметом реконструктивной и критической аналитики в статьях и выступлениях А.А.Гусейнова. Знакомство с предложенной им исследовательской стратегией оказало решающее влияние на тематизацию и концептуализацию исследовательского проекта, составившего теоретическую и методологическую основу представленной диссертационной работы.

---

⁷ Напр.: Мелешко Е.Д. Философия непротивления Л.Н.Толстого. Систематическое учение и духовный опыт. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н.Толстого, 1999; Мелешко Е.Д. Христианская этика Л.Н.Толстого. – М.: Наука, 2006.

⁸ Напр.: Гусейнов А.А. Мораль и насилие // Вопросы философии, 1990, № 5; Гусейнов А.А. Этика ненасилия // Вопросы философии, 1992, № 3; Гусейнов А.А. Понятие насилия и ненасилия // Вопросы философии, 1994, № 6; Гусейнов А.А. Учение Л.Н.Толстого о непротивлении злу насилием // Свободная мысль, 1994, № 6; Гусейнов А.А. Великие моралисты. – М., 1995; Гусейнов А.А. Обоснование морали как проблема // Мораль и рациональность. – М., 1995; Гусейнов А.А. Ненасилие как правда жизни // Опыт ненасилия в XX столетии. Социально-этические очерки. М., 1996; Гусейнов А.А. Вера, Бог и ненасилие в учении Льва Толстого // Свободная мысль, 1997, № 7; Гусейнов А.А. Понятие веры, бога и насилия в учении Л.Н. Толстого // Разум и экзистенция. – СПб., 1999 и др.

⁹ См.: Гусейнов А.А. Мораль и разум // Разум и экзистенция. – СПб.: РХГИ, 1999. С. 260.

Научная новизна исследования. Настоящая диссертационная работа представляет собой первый в отечественном философском толстоведении опыт комплексного анализа нравственно-религиозного учения Толстого посредством выявления характера соотношения его теоретического содержания и нормативного смысла. Тем самым в рамках диссертации последовательно реализуется качественно новый подход к исследованию философского творчества великого русского писателя и создаются необходимые методологические условия и логические предпосылки для его целостной реконструкции, систематического изложения и типологической квалификации. Таким образом, теоретическая новизна диссертационной работы прежде всего заключается в формировании аналитической модели исследования этико-философских систем, изначально ориентированных на нормативное фиксирование и конкретно-жизненную реализацию их фундаментальных императивов, а также в демонстрации возможностей ее продуктивного использования на примере изучения этико-нормативной программы Толстого.

В фокусе диссертационного анализа находятся такие ключевые мотивы моральной рефлексии и философского мышления Толстого, как постижение подлинного смысла человеческого существования, придающего жизни людей всевременной статус универсального единства в абсолюте, и обнаружение адекватной формы теоретико-рациональной репрезентации и императивно-ценностной реализации содержания искомым смысложизненным истин. В ходе осмысления экзистенциально-мировоззренческих истоков и характера последних автором предложен вариант объяснения свойственного толстовскому рассуждению способа соотнесения его теоретического и нормативного компонентов, коим выступает метод «разумной веры». Новизна авторского подхода к исследованию духовного наследия мыслителя состоит также в тематизации и специальном анализе его антропологических воззрений в качестве одного из важнейших источников формирования его ключевых этико-нормативных установок.

Особенности толстовской версии рационализации морали в ее корреляции с поисками основ «истинной религии» концептуализированы в диссертации

ционной работе посредством обращения к кантовской модели обоснования автономной этики в качестве квинтэссенции «религии в пределах только разума». Проведение этой историко-философской параллели позволяет обнаружить не только глубокое духовное родство позиций обоих мыслителей, но и бесспорную оригинальность толстовской моралистики, не позволяющую редуцировать последнюю ни к кантовскому, ни к какому бы то ни было иному варианту утверждения абсолютного статуса нравственности. Одновременно в диссертации проводится терминологическая идентификация используемого Толстым языка рассуждений о природе, нормативной обязательности и механизмах функционирования морали.

Хрестоматийное для толстоведческой литературы освещение полемики вокруг идеи ненасилия конкретизируется автором посредством последовательного введения в ее канву четырех тематически объединенных историко-философских экскурсов, посвященных таким ведущим представителям традиции философской критики толстовского учения о непротивлении злу насилем, как В.С.Соловьев, Н.Ф.Федоров, Н.А.Бердяев и И.А.Ильин (попутно заметим, что фигура Н.Ф.Федорова в этом качестве привлекается автором диссертации впервые). Существенным аспектом новизны исследовательского подхода к данной теме является ее рассмотрение в форме отсроченного заочного диалога, который ведет Толстой со своими непримиримыми обличителями, неизменно демонстрируя весьма глубокую осведомленность в отношении ключевых идейных установок и теоретических принципов последних. Подобный прием позволяет системно представить содержательную и логическую структуру аргументации как сторонников, так и противников использования силы в качестве средства пресечения или предотвращения зла, заложив тем самым критериальную основу объективной оценки степени убедительности фундаментальных полемических доводов оппонентов Толстого, а также его ответных «контркритических» тезисов.

Вполне самостоятельным вкладом в традиционную для российского толстоведения дискуссию вокруг нормативной составляющей толстовского жизнения представляется также внесение существенных теоретических корректив-

вов в привычную интерпретацию императивного соотношения принципа непротивления злу насилием и закона любви в контексте нравственно-религиозных построений мыслителя. Так утверждения об их фактическом нормативном тождестве автор предлагает заменить формулой: заповедь непротивления есть не иная ипостась, а именно «императивный минимум» закона любви.

При этом метафизическая и этическая сущность последнего осмысливаются в диссертации сквозь призму центральной для этического мышления Толстого оппозиции нормы и идеала, которая, в свою очередь, обнаруживает в основании извечную дилемму свободы и необходимости. Данное обстоятельство привносит в канву диссертационного исследования дополнительную научную новизну, заключающуюся в осуществлении концептуальной реконструкции и контекстуального анализа различных уровней толстовского понимания проблемы свободы воли. Такой исследовательский ракурс позволяет обнаружить безосновательность предъявляемых Толстому обвинений в философском дилетантизме и увидеть в его лице не только яркого моралиста-проповедника, но и самобытного мыслителя, способного к оригинальному решению фундаментальных этико-философских проблем.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Основные теоретические результаты настоящей диссертационной работы могут представлять определенный интерес для исследователей, преобладающей сферой приложения познавательных усилий которых является логическая реконструкция и историко-философская квалификация широких моралистических программ, или этиков, склонных использовать профессионально отрефлексированные модели моралистики в качестве необходимых предпосылок для постановки и решения фундаментальных проблем нравственной философии. Вместе с тем, результаты исследования позволяют создать концептуальную базу для анализа типов соотношения теоретических и нормативных компонентов в рамках традиционного дискурса перфекционистски ориентированных моралистических систем.

Полученные в ходе исследования результаты и апробированные методики их получения могут также использоваться в качестве теоретической базы и методологического инструментария для осмысления и разрешения конкретных дилемм нравственного сознания и коллизий морального опыта, круг которых составляют вопросы мотивации и пределов возможного духовно-нравственного совершенствования личности, допустимости использования силы в борьбе со злом и организации социальной жизни, определения теоретического содержания концепта свободы воли и границ его практической применимости для объяснения индивидуально-ответственного поведения разумных существ, а также характеристики способов обоснования абсолютной моральной императивности.

Помимо этого, теоретические результаты диссертационного исследования могут оказаться востребованными историками философии в целях уточнения, углубления и систематики сложившейся тематической и оценочной мозаичности представлений о характере, структурной композиции и содержании нравственно-религиозного жизнеучения Толстого и идентификации идейного наследия великого русского мыслителя в рамках отечественной и европейской традиций в истории духовной культуры.

Практическая ценность результатов диссертационной работы определяется открываемыми возможностями широкого обращения к ним в процессе разработки и преподавания курсов этики и других дисциплин философского цикла, прежде всего, таких, как «История философии» и «История этических учений», а также в ходе предметной дифференциации и концептуализации содержания ряда курсов в рамках образовательного направления (специальности) «Прикладная этика», постепенно входящего в практику классического гуманитарного образования современных российских ВУЗов.

Некоторые результаты диссертационного исследования при наличии определенных предпосылок и необходимой смысловой адаптации способны стать необходимым провокативным материалом для организации широкой общественно-публицистической дискуссии, эвристически продуктивной в условиях становления идеологической стратегии развития духовной культуры современной России.

Положения, выносимые на защиту:

1. Нравственно-религиозное учение Толстого представляет собой уникальный синтез философской критики, религиозного опыта и моральной рефлексии великого русского писателя, экзистенциально инициированный фундаментальным смысложизненным вопрошанием и методологически консолидированный генеральным принципом «разумной веры».

2. Определяющим основанием этико-философских построений Толстого является его имперсоналистическая антропология. Она создает необходимые теоретические предпосылки для конструирования образа субъекта морали как совершенствующейся в обретении предельной универсальности личности, преодолевающей эмпирическую дискретность «животного» я и сознательно устремленной к окончательной интеграции своего духовного существа в абсолютное единство Всего.

3. Аутентичная архитектура толстовского философствования всецело детерминирована внутренней потребностью мыслителя в создании универсального духовно-практического жизнеучения, демонстрирующего наиболее экзистенциально достоверный и рационально безупречный вариант соотношения теоретического объяснения жизни и ее императивно-ценностной регламентации. Продуктом этой исходной интенции становится нравственно-религиозное учение Толстого, структуру которого задает равновесное единство метафизики жизни как общемировоззренческого контекста ее смыслополагания и этики любви как нормативной стратегии индивидуально-ответственного человеческого существования.

4. Главная функция концепции «истинной религии» в рамках религиозно-философского синтеза Толстого состоит в обосновании и утверждении абсолютного статуса нравственности в качестве безусловной нормативно-ценностной автаркии всеобщего морального законодательства.

5. Внутренняя целостность жизнеучения Толстого наиболее ярко обнаруживает себя в определении и соотнесении основных понятий его этико-философского рассуждения. Системообразующим ядром последнего служит категория блага, формирующая внутреннее единство логически упорядоченной

совокупности коррелятивных пар ключевых этических понятий, посредством которых содержательно выражаются и терминологически фиксируются фундаментальные ценностные оппозиции «истинного» (позитивного) и «ложного» (негативного) в структуре морального сознания и поведения людей.

6. Реконструкция и анализ толстовской интерпретации императивно-ценностного механизма функционирования морали позволяют установить как ее глубокую идейную укорененность в традициях европейского рационализма (преимущественно в его сократической и просветительской версиях), так и концептуальную нередуцируемость толстовского способа рационализации нравственной жизни ни к одному из существующих историко-философских прецедентов.

7. Соотношение понятий зла и насилия составляет одну из наиболее принципиальных категориальных диспозиций нравственно-религиозной философии Толстого. Вопреки безраздельно господствующему в отечественном этико-философском дискурсе мнению о тождественности содержания указанных понятий в их толстовской трактовке следует признать: насилие как любое воздействие на чужую волю, совершаемое вопреки ее согласию и подкрепленное прямым или косвенным использованием силы, есть не эквивалент зла как такового, а внешняя эмпирическая визуализация зла и, одновременно, главный инструмент его жизненно-практической актуализации.

8. Толстовская критика теории и практики насилия обнаруживает три основных уровня его этико-философской дискредитации: во-первых, в качестве морально-психологической девиации индивидуально-ответственного поведения; во-вторых, в качестве инструмента социальной организации и движущей силы исторического развития и, наконец, в-третьих, в качестве онтологического парадокса единства воли. В результате безусловный отказ от насилия становится для Толстого не только аксиологической аксиомой и логической необходимостью, но и базовым принципом его этико-нормативной программы, выступая в форме императива непротивления злу насилием. Содержание последнего сводится к абсолютному запрету всякого насилия, т.е. любого способа заставления чужой воли, как акта, направленного на инициирование поступка, заведомо

идущего вразрез с подлинным «хотением» субъекта, на которого оказывается подобное силовое воздействие.

9. Специальный анализ этико-философской полемики вокруг идеи непротивления показывает, что наибольшей теоретической ценностью обладают критические доводы таких ведущих представителей русской религиозной философии конца XIX – первой половины XX века, как В.С.Соловьев, Н.Ф.Федоров, Н.А.Бердяев и И.А.Ильин. Логическая реконструкция их фундаментальных аргументов позволяет выделить среди них три основополагающих способа опровержения толстовских доказательств необходимости последовательного отказа от использования насилия: «аргумент бегства от зла», «аргумент целесообразности» и «аргумент невинной жертвы». Однако их систематический характер, концептуально-методологическое единство и несомненная убедительная сила отнюдь не являются бесспорным гарантом той теоретической окончательности и мировоззренческой непререкаемости выводов, на которую неизменно претендуют оппоненты доктрины ненасилия.

10. Идея бесконечного духовно-нравственного самосовершенствования служит у Толстого органичным этико-нормативным отражением его экзистенциальных исканий и моральной рефлексии. При этом главный парадокс толстовской версии нравственно-религиозного перфекционизма заключается в том, что, согласно логике мыслителя, мотивированное исключительно моралистическими соображениями духовное движение совершенствующегося индивида неизбежно направлено к утрате им своей автономной субъектности, т.е. выводит его за пределы морали как сферы индивидуально-ответственного поведения.

11. Основными интерпретационными контекстами концепта христианской любви в рамках нравственно-религиозного жизнеучения Толстого являются: экзистенциально-психологический, этико-нормативный и универсально-онтологический. Их преемственностью достигается конкретное тождество этического и метафизического содержания закона любви. Его «императивным минимумом» выступает заповедь непротивления, полнота нормативного содержания находит свое выражение в формуле «высшего закона взаимного служения»,

а ценностно-нормативный максимум раскрывается в идеале абсолютного совершенства или совершенства в Абсолюте. В итоге закон любви не только идентифицируется Толстым как фундаментальная этическая парадигма христианства, но и позиционируется в качестве эталона самой моральной нормативности как таковой. Главным условием реализационной эффективности закона любви служит полное самоотречение, а единственным способом практического осуществления – сознательное со-участие в непрерывном процессе духовно-нравственного совершенствования. Содержание его основных стадий задает универсальный алгоритм эволюции индивида от его «духовного рождения» из низшей «животной личности» до момента окончательного слияния его высшего «разумного сознания» с бесконечной универсальностью Всего.

12. Ключевой для морального сознания и этического рассуждения Толстого структурой является дилемма нормы (закона) и идеала, в основании которой обнаруживается более глубокая теоретико-нормативная оппозиция необходимости и свободы. Именно эта фундаментальная антиномия оказывается на деле центральной коллизией религиозно-философского синтеза мыслителя. В своем интуитивном стремлении к ее окончательному снятию Толстой разрабатывает оригинальную концепцию свободы, в рамках которой посредством отождествления содержания и формы всеобщего морального законодательства, т.е. наполнения его строго императивной формы свободным содержанием бесконечной устремленности к абсолютному совершенству, подлинная этика закона обретает смысл метафизики свободы.

Апробация результатов исследования осуществлялась

- в ходе публикации научных работ, общим объемом 104,86 п.л.;
- в ходе выступления на теоретическом семинаре сектора этики Института философии РАН (16 сентября 2008 г.) с докладом на тему: «Критика учения Л.Н.Толстого о непротивлении злу насилем в отечественной религиозно-философской мысли конца XIX – начала XX вв.: три основных аргумента» и его последующего обсуждения;
- в ходе выступлений на 4 международных и 11 всероссийских, региональных и межвузовских научных конференциях;

- в ходе участия в международных образовательных и исследовательских проектах («Развитие этического образования в высшей школе» и «История понятий «персональности» в русской философской и политической мысли») и публикаций по итогам проделанной в рамках указанных проектов работы;

- в ходе разработки учебно-методического комплекса в рамках подготовки магистерских программ направления «Прикладная этика» (МГУ им. М.В.Ломоносова) по дисциплине «Насилие и ненасилие».

Диссертация обсуждена на заседании сектора этики Института философии РАН в декабре 2008 г. и рекомендована к защите.

Структура диссертационного исследования. Диссертация состоит из Введения, четырех глав, включающих в себя двенадцать параграфов, Заключение и библиографического списка, содержащего триста пятьдесят наименований, а также девяти рисунков и двух таблиц, иллюстрирующих, систематизирующих и поясняющих содержание основных разделов диссертационной работы. В заключительном параграфе третьей главы диссертационной работы помещены относительно самостоятельные историко-философские экскурсы, посвященные критике толстовского учения о непротивлении злу насилием в трудах В.С.Соловьева, Н.Ф.Федорова, Н.А.Бердяева и И.А.Ильина.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновываются актуальность и новизна темы, выявляются объект и предмет исследования, определяются его цели, задачи и методологические основания, дается систематический обзор анализируемых источников, устанавливается степень разработанности проблематики диссертации, формулируются основные положения, выносимые на защиту, раскрывается теоретическая и практическая значимость наиболее существенных результатов диссертационной работы, и указываются важнейшие способы их апробации.

В **первой главе «Основы религиозно-философского жизнепонимания Л.Н.Толстого»** предпринимается попытка обнаружить и систематически пред-

ставить весь спектр экзистенциально-психологических и идейных источников мировоззрения великого русского писателя, а также поэтапно проследить эволюцию его религиозных убеждений и нравственно-философских представлений.

Первый параграф «Пути постижения смысла жизни: разум и вера» посвящен выявлению и исследованию основных мотиваций и магистральных направлений смысложизненных исканий Толстого. На фоне драматичных коллизий пережитого мыслителем духовного кризиса наиболее отчетливо обнаруживаются истоки и специфика толстовской стратегии преодоления извечного конфликта разума и веры. Ее ключевая ценностно-познавательная установка заключается в том, что вера одновременно служит основанием и границей разума, причем представляет собой такой его предел, который неизбежно устанавливается самим разумом и может быть воспринят человеком только со стороны разума. Тем самым предложенная Толстым универсально-внеконфессиональная интерпретация веры исключает привычную атрибутику ее гносеологической ущербности и придает ей синтетическую форму «разумной веры».

Подобная вера по определению не предполагает иного предмета, кроме истины. Вариативность допустима здесь лишь в выборе предпочтительного способа ее истолкования: сугубо гносеологического или аксиологического. Толстой же выходит за рамки этой классической диспозиции и обнаруживает «третий» путь – путь отождествления истины и блага, достижимого только в рамках паритетного альянса разума и веры. Их искомая гармония является у Толстого прямым следствием глубокой убежденности привыкшего последовательно мыслить человека в логической достоверности и экзистенциальной необходимости добровольного самоподчинения определенной совокупности абсолютных императивно-ценностных принципов. Эта убежденность придает толстовскому жизнепониманию характер симметричной по своей структурной конфигурации концепции смысла жизни, интегрирующей две, по сути, взаимоисключающие интенции: жизнеотрицание и жизнеутверждение. Между тем первое есть неотъемлемое условие второго, а именно, последовательная дис-

кредитация «ложной (животной) жизни» отдельных индивидов во имя окончательного утверждения высшей ценности жизни «истинной» как всеобщего единения в Абсолюте.

Таким образом, «разумная вера» делает человека способным, ясно осознавая всю ограниченность и несовершенство своего наличного бытия, действовать так, будто он является субстанциальным носителем подлинного смыслообразующего начала, телеологически предшествующего его эмпирическому существованию и всецело подчиняющего его деятельность универсальной моральной нормативности. Иными словами, «разумная вера» оказывается для Толстого методом критики и апологии жизни одновременно. Подобное сочетание придает его метафизическим построениям характер внутренне обусловленного равновесия пессимистических и оптимистических тенденций, провоцирующего, в свою очередь, крайнюю неоднозначность оценок мировоззрения мыслителя в целом.

Во *втором параграфе «Особенности антропологических представлений Л.Н.Толстого»* предметом анализа выступает толстовское учение о человеке, которое является одной из наиболее парадоксальных и наименее изученных составляющих философского наследия мыслителя. В центре его антропологической концепции находится ключевая дихотомия эмпирической дискретности «животной личности» и духовной универсальности «разумного сознания». Она задает общий вектор ментальной эволюции любого разумного существа, неизбежно движущегося по направлению к окончательному преодолению химеричности самодовлеющего «я» и максимально полной ассимиляции последнего бесконечным единством Всего.

Этот отчетливый имперсоналистический лейтмотив религиозно-философских исканий Толстого объясняет не только предельный альтруизм его моралистики, но и важнейшие особенности интерпретации мыслителем проблемы бессмертия. Последняя получает у Толстого оформление в виде следующей зависимости: только ценой утраты самой субъектности как идентичности отдельного «я» может быть достигнута та безусловная подлинность челове-

ческого существования, которая и является искомым эквивалентом бессмертия или, согласно аутентичной толстовской терминологии, «истинной жизни».

Очевидный парадокс подобных рассуждений Толстого об «истинной жизни» состоит в том, что в рамках создаваемой им модели бытия человеку никогда не удастся оказаться в одной реальности с вечностью, сохранив психологически необходимую возможность оценить все преимущества своего положения, поскольку вечность должна неизбежно растворить любую индивидуальность в безразличной бесконечности универсума. В этом заключен по-настоящему трагический пафос имперсоналистической антропологии Толстого. Инициированное искренним стремлением к укоренению человеческой личности в абсолютной субстанциальности бытия философское мышление писателя оказывается вынужденным ради достижения поставленной цели отказать самой личности в праве на суверенное существование. Вместе с тем, именно антропологические воззрения Толстого, фактически дезавуирующие краеугольную для моралиста идею самодостаточности ответственно действующего свободного индивида, служат одним из определяющих теоретических начал всех этико-нормативных построений мыслителя.

В *третьем параграфе «Истоки и характер религиозной философии Л.Н.Толстого. Метафизика и этика»* раскрывается природа и выявляются характерные черты религиозно-философского синтеза Толстого, а также предпринимается попытка установить принцип соотношения в нем метафизической и этической составляющих. Следует заметить, что последняя задача отнюдь не подменяет основной цели диссертационного исследования в целом, ибо предполагает анализ вполне самостоятельной методологической проблемы: как мировоззренческие приоритеты философа морали отражаются на содержании его этико-нормативного жизнеучения и нуждается ли оно вообще в метафизическом фундаменте?

В процессе рассмотрения конкретно-жизненных и религиозно-философских оснований толстовского непонимания обнаруживается, что их следует интерпретировать не в качестве концептуально эклектичных продуктов ряда внешних, независимых друг от друга идейных влияний, а в виде хроноло-

гической последовательности четырех внутренне взаимосвязанных по своему содержанию этапов становления нравственно-религиозного самосознания Толстого, обнаруживающих очевидную преемственность его общих мировоззренческих установок. Так, безусловно доминирующим источником толстовского философствования может быть признана напряженная танатологическая рефлексия, нашедшая свое выражение как в художественном, так и в философско-публицистическом творчестве писателя. Именно тема смерти консолидирует содержание первого – «экзистенциального» – этапа формирования его религиозно-философского мирозерцания. Центральной проблемой второго – «герменевтического» – этапа развития толстовского жизнепонимания становится последовательное гносеологическое и аксиологическое обоснование метода «разумной веры». При этом если итогом первого этапа оказалось экзистенциально обусловленное ограничение разума в пользу веры, то второй завершился безоговорочным признанием этико-эпистемологической необходимости установления максимально четких рациональных критериев и пределов веры. Третий – «метафизический» – этап становления «нового жизнепонимания» мыслителя является периодом метафизической концептуализации проблемы жизни как осмысленного, т.е. рационально удостоверенного и ценностно оправданного, существования внутренне эволюционирующего от низшего (животного) к высшему (духовному) сознанию индивида. И, наконец, внутри четвертого (итогового) – собственно «этического» – этапа формирования толстовского жизнеучения, анализ содержания которого определяет проблематику всех последующих разделов диссертационной работы, можно условно выделить четыре относительно самостоятельные фазы формирования этико-нормативной программы Толстого: фазу целеполагания или определения направленности морального прогресса; фазу критического осмысления оснований морали посредством выяснения ее сущностного соотношения с религией; фазу нормативного оформления и утверждения принципа непротивления злу насилием в качестве безусловной поведенческой парадигмы и императивной квинтэссенции закона любви и, наконец, заключительную фазу общей категориальной систематики нравственно-религиозных представлений писателя.

В целом же проведенный анализ истоков, содержания и возможностей структурирования религиозно-философских построений Толстого позволяет, вопреки устойчиво укоренившимся не только в общественном мнении, но и в толстоведческой литературе стереотипам сформулировать и аргументировать фундаментально значимый вывод о теоретической состоятельности, идейной оригинальности и композиционной консолидированности феномена толстовской философии, представляющей собой внутренне целостное, равновесное и систематическое единство метафизики жизни и этики любви как неотъемлемых составляющих нравственно-религиозного учения мыслителя. Таким образом, при характеристике структурной композиции жизнеучений подобного типа следует отказаться от привычной схемы, выражающей соотношение их метафизического и этического компонентов как прямую зависимость теоретических посылок и императивно-ценностных выводов. Этико-нормативная программа Толстого вполне концептуально самодостаточна и нуждается скорее не в метафизическом фундаменте, а в общемировоззренческой картине мира, создающей необходимый теоретический контекст толстовской моралистики. Это обстоятельство, в свою очередь, исключает периферийность теоретического содержания нравственно-религиозного учения Толстого по отношению к его нормативным принципам.

Во второй главе *«Теоретическое содержание нравственно-религиозного учения Л.Н.Толстого»* контекстуально прослеживаются и концептуально сопоставляются наиболее характерные для мыслителя терминологические конструкции, способы словоупотребления и приемы аргументации, используемые им в ходе рассуждений о природе, нормативной обязательности и императивно-ценностных механизмах функционирования морали. В результате данная глава оказывается опытом авторской реконструкции логической структуры философского мышления писателя и систематики категориально-понятийного языка толстовской моралистики.

Основу содержания *первого параграфа «Проблема обоснования морали: религия и нравственность»* составляет всестороннее рассмотрение предложенной мыслителем модели «истинной религии», осуществляемое на фоне парал-

тельно проводимого сравнительного анализа толстовского и кантовского способов истолкования соотношения религии и нравственности. Главным выводом данного раздела диссертационной работы становится утверждение о том, что системообразующим ядром толстовской версии «истинной религии» служит принципиальная ориентированность человека на исполнение безусловных моральных обязанностей, в силу чего как метафизическое, так и нормативное содержание подобной религиозной доктрины неизбежно эквивалентно всеобщности морального закона. Говоря иначе, в рамках «истинной религии» разум говорит от имени Бога на универсальном языке морали. Это делает невозможным редукцию положений «истинной религии» к какой-либо исторически конкретной конфессиональности, ибо в отношении человека как свободно действующего разумного существа «истинная религия» и есть сама мораль в ее абсолютном субстанциальном состоянии. Таким образом, рожденный в недрах традиции европейского рационализма (преимущественно, его просветительской и кантовской версий) концепт «истинной религии» получает в нравственно-религиозных построениях Толстого статус наиболее приемлемой формы презентации идеи абсолютной морали, полностью не сводимой ни к одному из известных вариантов утверждения автономии человеческой нравственности.

Параграф второй «Система основных категорий этики Л.Н.Толстого» непосредственно посвящен изучению языка религиозно-философских трактатов мыслителя, т.е. особенностей употребления, дефинирования и взаимосотнесения ключевых понятий в контексте нравственно-религиозных рассуждений Толстого. Анализ их терминологической специфики имеет своей целью не только определение того круга ключевых категорий, которые составляют понятийный каркас толстовского философствования, но и выявление их культурно-исторических истоков, равно как и смысловых аналогий, допустимых в рамках ведущих традиций отечественной и мировой моралистики.

Проведенное исследование показывает, что толстовской манере рассуждения объективно чужда любая схематизированная категориальная полярность языка классической философской этики, будь то глобальная оценочная дихотомия добра и зла или аксиологический антагонизм совершенства и несовершен-

ства. Ее геометрически эквивалентной моделью может служить окружность, задающая тавтологичность (герменевтический круг) преобладающей стилистики толстовских определений фундаментальных моральных категорий. При этом к концентрической форме явно тяготеют как их определения, так и сама структурная организация используемого мыслителем категориально-понятийного аппарата. Наиболее показательным примером тому может служить соотношение центральных категорий этического учения Толстого – «жизнь», «благо», «любовь» и «Бог». В этой концентрической категориальной системе особую роль «медиатора» играет понятие блага, которое и обеспечивает их логическую и смысловую корреляцию.

Формально такая категориальная конструкция может быть представлена в виде строго упорядоченной совокупности жестко заданных пар оппозиционных понятий, которые содержательно выражают и терминологически фиксируют базовые ценностно-нормативные дилеммы «истинности» (позитивности) и «ложности» (негативности) в сфере морального сознания и нравственной деятельности людей (например, «истинная жизнь» – «ложная жизнь» и т.п.). Подобные категориальные ряды позволяют Толстому наиболее наглядно оформить и убедительно представить свое понимание императивно-ценностной сущности морали как свободного от любых внешних заставляющих воздействий механизма рационально обусловленного выбора основных целей, нормативных стандартов и критериев оценки собственного индивидуально-ответственного поведения.

В третьем параграфе *«Императивно-ценностный механизм функционирования морали в нравственной философии Л.Н.Толстого»* завершается анализ теоретических оснований нравственно-религиозного учения мыслителя. Главным предметом критики становятся его рассуждения о возможностях и пределах последовательной рационализации морали, которые составляют концептуальную базу толстовского объяснения принципов ее императивно-ценностного функционирования.

К основным признакам толстовской модели моральной рациональности относятся ее смысло-жизненная интенциональность, гносеологический синтез

разума и веры, метафизический универсализм и этический абсолютизм. Неотъемлемыми элементами этого теоретико-нормативного образования являются также внутренне противоречивая концепция зла, наиболее отчетливо отражающая амбивалентность толстовского рационализма, и учение о свободе как свободе в истине или в ее самостоятельном рациональном поиске.

Фундаментальным методологическим принципом, поддерживающим целостность толстовских представлений о наиболее эффективном механизме функционирования человеческой нравственности, служит этический рационализм или «рационалистический морализм»¹⁰. Он придает свойственному мыслителю способу рассуждения о природе морального выбора черты сократического интеллектуализма и, отчасти, просветительского культа разума, создавая теоретические предпосылки для традиционной трактовки нравственно-религиозного учения Толстого в качестве очередной историко-философской редакции классического рационализма (от Сократа до Канта). Между тем, при более внимательном рассмотрении становится очевидным, что подобное впечатление требует весьма существенных уточнений, ибо толстовский рационализм обнаруживает, с одной стороны, неординарное стремление к преодолению монополии разума в морали, т.е. проецированию критических полномочий практического разума в область его собственных оснований, а, с другой, – явную склонность в ряде ситуаций последовательно квалифицировать моральный поступок как «негативный» поведенческий акт, нравственная ценность которого состоит в воздержании от «дурного» деяния или «неделания», а не в совершении некоего позитивно определенного действия, демонстрирующего соответствие поведения субъекта требованиям морального законодательства.

Третья глава «Учение Л.Н.Толстого о непротивлении злу насилем» посвящена анализу идейных истоков, императивного содержания и способов аргументирования принципа непротивления злу насилем в контексте этико-нормативной программы мыслителя, а также оценке степени убедительности последних на фоне их систематической критики в трудах ведущих представи-

---

¹⁰ Специальному анализу истоков и особенностей толстовского рационализма посвящена кандидатская диссертация соискателя. См.: Ключова М.Л. Этический рационализм Л.Н.Толстого / Ключова М.Л. Автореф. ... дисс. канд. филос. наук. – М.: ИФ РАН, 2000.

телей отечественной религиозно-философской мысли конца XIX – начала XX века.

Центром проблематики *первого параграфа «Природа насилия и его культурно-исторические формы. Соотношение понятий зла и насилия в нравственно-религиозной философии Л.Н.Толстого»* является вопрос о теоретической состоятельности господствующей в отечественной толстоведческой литературе тенденции категориального отождествления зла и насилия в структуре этико-философского рассуждения мыслителя. Для решения этой задачи в рамках данного параграфа осуществляется комплексный логико-герменевтический анализ основных способов дефинирования понятия «насилие» в религиозно-философских текстах Толстого и соотнесение полученных вариантов определений с наиболее характерными для мыслителя суждениями о сущности зла.

Главным итогом проведенного исследования становится вывод о том, что насилие, в понимании Толстого, не аналог и не первопричина зла, а его эмпирическая очевидность и, одновременно, средство его жизненно-практической реализации. Именно посредством силового заставляющего воздействия на чужую, т.е. внешнюю по отношению к собственной, волю, уверен Толстой, объективируется внутренняя потенциальность зла в человеческой природе, и создаются необходимые условия для легитимизации его позиций в пространстве социально-исторического бытия людей.

В ходе выяснения отношения мыслителя к феноменологии насилия проводится сопоставление предложенной мыслителем классификации видов насилия и его основных культурно-исторических форм. Результаты анализа позволяют утверждать, что толстовская критика насилия носит последовательно моралистический характер, исключая любые прагматически обусловленные допущения и привычные соображения в пользу социально-исторической целесообразности или ситуативно-психологической неизбежности использования насилия в качестве средства как пресечения, так и предотвращения зла.

Во *втором параграфе «Непротивление как этико-нормативная программа: исходные принципы и способы аргументации»* выявляются и анализируются основные этапы терминологического и нормативного оформления тре-

бования непротивления злу насилием в этико-философских, богословских и публицистических сочинениях Толстого. В процессе их целенаправленного прочтения обнаруживаются пять концептуально неоднородных формул императива ненасилия, к числу которых следует отнести саму четвертую заповедь Нагорной проповеди Христа (Мф. 5:38-42), «золотое правило» нравственности, принцип «не-делания», заповедь «не убий» (Исх. 20:13), а также, в ряде случаев, – евангельскую заповедь милосердной любви (Лк. 6:36).

Самому пристальному рассмотрению в рамках данного параграфа подвергается толстовское осмысление соотношения морфологии насилия и способов аргументации необходимости категорического запрета на его использование в качестве нравственно допустимого средства пресечения или предотвращения зла или объективно необходимого инструмента организации социальной жизни. Так, Толстой склонен интерпретировать насилие как автономный индивидуально-волевой акт (поступок) или угрозу его осуществления, как средство «устроения» совместной жизни людей или способ разрешения противоречий между ними и, наконец, как узурпацию свободы воли в масштабе универсума в целом. При этом комплекс аргументационных приемов, используемых мыслителем для доказательства необходимости отказа от практики использования силы в первых двух случаях практически идентичен, включая такие ключевые доводы, как «аргумент большего зла», «аргумент неэффективности насилия», «аргумент эксперта или судьи», «аргумент счастья» («эвдемонистический аргумент»), «аргумент свободы», «аргумент целесообразности» и др., в то время как в третьем – рассуждения Толстого могут быть сведены к «аргументу онтологической абсурдности насилия» в условиях универсального единства воли. С учетом этих различий в структуре параграфа последовательно раскрываются три ключевые сюжетные линии, позволяющие обнаружить и критически проанализировать демонстрируемые Толстым способы аргументации абсолютного отказа от насилия: насилия как очевидной морально-психологической аномалии индивидуально-ответственного поведения, насилия как недопустимого компромисса нравственного сознания и общественно-исторической необходимости и, наконец, насилия как онтологического казуса воли. В итоге удастся установить,

что идея непротivления в своем предельно широком выражении раскрывается Толстым в двух ее содержательных ипостасях: общемировоззренческой – как истина, способная придать человеческой жизни подлинный смысл и свидетельствовать о ее аксиологической достоверности; и нормативно-этической – как императив, задающий фундаментальные ценностные ориентиры и конкретные алгоритмы человеческого поведения.

Третий параграф «Критика идеи ненасилия в отечественной общественно-философской мысли конца XIX – начала XX века» имеет дополнительную внутреннюю рубрикацию и структурно строится как последовательность четырех историко-философских экскурсов, объединенных единой тематикой и методикой исследования ведущих систематически консолидированных моделей критики учения Толстого о непротivлении злу насилем в трудах таких выдающихся представителей русской религиозной философии рубежа XIX-XX столетий, как В.С.Соловьев, Н.Ф.Федоров, Н.А.Бердяев и И.А.Ильин. В ходе проведенного анализа выясняется, что общую канву их полемических доводов составляют три ключевых аргумента, направленных против непротivленческой доктрины Толстого.

Первый из них – «аргумент бегства от зла» – является теоретически исходной установкой философской критики идеи непротivления и сводится к жесткому обличению идеи непротivления как закономерного следствия этически неверного понимания Толстым природы зла и неоправданного игнорирования им онтологической реальности, реализационной многоликости и действительной силы зла в мире. Наличие последней, по единодушному мнению оппонентов Толстого, является наиболее прочным основанием нравственной обязанности адекватного, т.е. силового (на-сильственного), противодействия злу. Только такая сознательная поведенческая стратегия позволяет избежать морально недопустимой и психологически девиантной пассивности в отношении зла, чреватой в своем крайнем выражении его безраздельным внутренним приятием («самопреданием злу»), а также угрозой прямого попустительства или преступного пособничества злонамеренным действиям кого-либо.

Второй – «аргумент целесообразности» – служит логически необходимым связующим звеном между первым и третьим аргументами. Его содержание может быть в конечном итоге редуцировано к классической коллизии целей и средств, т.е. предполагает общую этическую квалификацию насилия (при условии исходного признания сущностной нравственной негативности насилия как такового) в качестве объективно детерминированного социально-историческими или житейско-психологическими причинами средства противодействия злу в случаях его пресечения или предотвращения. Допустимость использования подобного средства, бесспорно, ограничена исключительностью ситуаций и диктуется обнаружением в них явной неэффективности всех иных средств борьбы со злом, а легитимность выбора в пользу данного средства – напрямую обусловлена характером и степенью значимости декларируемой самим агентом насилия или его окружением цели.

В качестве третьего аргумента следует рассматривать так называемый «аргумент жертвы». В более широком смысле данный аргумент, который можно также сформулировать как «аргумент третьего лица», представляет собой конституирование безусловных предпочтений жертвы в деле защиты от любых насильственных посягательств и является сквозным доводом в рассуждениях практически всех оппонентов непротивленческой парадигмы. Исходя из самоочевидности единственно возможной в подобном случае для любого нормального человеческого существа ценностно-поведенческой установки, критики Толстого неизменно обвиняют его в недопустимой и даже вовсе необъяснимой морально-психологической индифферентности отношения к участи жертвы насилия, что граничит с безжалостностью к ней, особенно возмутительной, в их глазах, на фоне проявляемого мыслителем явно сочувствующего интереса к мотивации и возможности сохранения свободы действий насильника и, отчасти, гипотетического наблюдателя разворачивающейся трагедии. Подобный «аргумент невинной жертвы», имеющий немало литературно оформленных авторских версий, традиционно расценивается противниками мыслителя как отражение неизбежности полного теоретического и практического фиаско толстовского морализма, т.к. человек в подобной ситуации просто не может сочетать сле-

дование категорическому запрету на насилие и сохранение нравственной (впрочем, как и психической) адекватности.

Однако в целом отечественная традиция религиозно-философской критики толстовского учения о непротивлении злу насилием, как показывает анализ ее ключевых аргументационных моделей, при всей своей несомненной фундаментальности, эвристической изобретательности и строгой академичности исподволь тяготеет к некоему подлогу – попытке позиционировать собственную, т.е. наиболее мировоззренчески приемлемую, точку зрения на проблему допустимости силового противодействия злу в качестве теоретически исчерпывающего и объективно бесспорного ее разрешения. Между тем, на поверку оказывается: ни одна из концептуально оформленных позиций критиков идеи непротивления не лишена внутренних противоречий, как, в свою очередь, и сама толстовская этика ненасилия ни при каких условиях не должна подвергаться аксиоматизации.

Четвертая глава «Этика любви» представляет собой опыт осуществления итоговой типологической квалификации нравственно-философского учения Толстого и определения его места в традициях отечественной и мировой этико-философской мысли. Эта цель достигается посредством дополнения предпринятого в предыдущей главе анализа непротивленческой, т.е. преимущественно ограничительно-запрещающей, компоненты толстовской этико-нормативной программы всесторонним рассмотрением неотъемлемой позитивно-предписывающей части последней, выделив в качестве основного предмета специального этико-герменевтического исследования категориально-императивную природу толстовской интерпретации христианской заповеди любви и духовно-нравственной практики самосовершенствования.

В первом параграфе *«Заповедь любви как этическая парадигма христианства: самоотречение и самосовершенствование»* идея самоусовершенствования индивида в ее толстовской версии реконструируется как его восхождение по универсальным ступеням духовной эволюции. В качестве таковых Толстой фиксирует и последовательно рассматривает воздержание, самоотречение и, наконец, самосовершенствование в собственном смысле слова. Причем этиче-

ской и онтологической самодостаточностью им наделяется только третья ступень, поднявшись на которую человек навсегда утрачивает способность и стремление к какой бы то ни было аксиологической градации и последующей субординации степеней достигнутого совершенства.

Самосовершенствование представляет собой постоянно возобновляющийся процесс духовного восхождения конечного индивида к идеалу бесконечного божественного совершенства. Их онтологическая несоизмеримость не позволяет оценивать процесс совершенствования с позиций его результативности. Человеку не дано изменить свою природу, воплотив всю полноту абсолютного совершенства в своем индивидуальном существовании. Но он всегда может стать со-участником процесса духовного преображения ценой сознательного отказа от себялюбивых притязаний «животной личности» и, впоследствии, окончательного отречения от своего отдельного эмпирического «я», вне которого любые преимущества, приобретаемые посредством личных заслуг, лишаются всякого смысла. Иными словами, перед лицом Абсолюта, задающего вектор нравственного движения любого подлинно разумного существа, неизменно настаивает Толстой, «всякая степень совершенства и всякая степень несовершенства равны», ибо в условиях пространственно-временной ограниченности человеческого существования они не обладают самостоятельным ценностным статусом по отношению к недостижимой универсальности идеала. Таким образом, значение в данном контексте имеет только сама непрерывная деятельность совершенствующегося индивида, искомыми критериями подлинности которой служат ее интенсивность и постоянство, а единственно адекватным содержанием – самоотверженная любовь.

Этот вывод Толстой считает безупречным логическим следствием нормативной сущности обеих евангельских заповедей любви – любви к Богу и любви к ближнему (Мф. 22:35-39). Ведь если «любить Бога значит любить совершенство», то любовь к ближнему, истинным предметом которой, как известно, является заключенное в его конечной телесно-личностной оболочке бесконечное божественное начало, неизбежно должна представлять собой не пассивное примирение с исходным несовершенством того, на кого направлено любовное

благодетельство, а всяческое инициирование его перфекционистских устремлений. Это, в свою очередь, невозможно без столь же глубокой и искренней вовлеченности в подобную деятельность и самого любящего. В результате смысл евангельской заповеди милосердной любви в ее толстовской редакции предельно расширяется: от генеральной этической парадигмы исторического христианства до квинтэссенции самой моральной нормативности как таковой.

В фокусе исследовательского замысла *второго параграфа «Сущность и нормативный статус закона любви в нравственно-религиозном учении Л.Н.Толстого»* находится проблема императивной демаркации требований закона любви и заповеди непротивления. Проведенный в рамках данного раздела диссертационного исследования анализ их формы и содержания позволяет квалифицировать принцип ненасилия в качестве «нормативного минимума» концепта христианской любви, т.е. неотъемлемого условия или базисного компонента последней, опровергая, тем самым, сложившуюся толстоведческую традицию их полного или частичного редуцирования друг к другу.

Предложенная нами исследовательская гипотеза императивно-ценностной корреляции любви и ненасилия как целого и части находит свое косвенное подтверждение в характерных для Толстого рассуждениях о том, что любовь не может ограничиваться запретом, а потому отказ от насилия есть только первый шаг к осуществлению требований истинной любви, заключающихся в свободной устремленности к идеалу. Его конкретное содержание определяется Толстым применительно к двум неразрывно связанным между собой плоскостям духовно-нравственного бытия людей: внешней (социально-нравственной) – в котором идеал выступает в форме всеобъемлющей этической общности людей, добровольно объединившихся в любовный союз и категорически исключивших из своей жизненной практики любое насилие («Царство Божие на земле»), и внутренней (морально-экзистенциальной) – в котором идеал всецело совпадает с образом абсолютного божественного совершенства, перманентное созидание которого в душе каждого человека становится содержанием бесконечного процесса самоусовершенствования индивида как его духовной эманации за пределы своей личностной дискретности и, в онтологиче-

ском пределе, достижения полного слияния с субстанциально единой сущностью универсума («Царство Божие внутри вас»). Это означает, что этико-социальный смысл объединяющей силы любви находит свое органическое продолжение в космологическом принципе бытийного всеединства, утверждающем окончательное тождество внешнего и внутреннего, конечного и бесконечного, человеческого и божественного в благе любви.

Следовательно, основными сферами или формами ее проявления и реализации являются, согласно Толстому, не только экзистенциально-психологическая и этико-нормативная, но и универсально-онтологическая. Причем их соотношение ни в коем случае не следует рассматривать как иерархическое соподчинение автономных уровней любви, которая в своей истинной сущности есть эйдетическая константа, т.е. величина неделимо целостная и всегда тождественная самой себе. При условии же предельной универсальности предмета такой любви, не допускающей никакой произвольности или избирательности, последняя возводится в ранг высшего космогонического начала жизни, не утрачивая, тем не менее, ни эмоционально-психологической, ни морально-нормативной значимости.

Таким образом, толстовское жизнеучение предстает как уникальная попытка мыслителя аккумулировать этику и метафизику любви в концептуально единой парадигме самоотверженного служения, обладающей как несомненной теоретической оригинальностью, так и универсальной духовной синтетичностью. Эта мировоззренчески-нормативная целостность открывает безграничные аналитические возможности для обнаружения в ней неисчерпаемой плюралистичности идейных влияний в диапазоне от религиозных учений Востока до философских систем Запада, не являясь при этом вторичной по отношению к какой бы то ни было из них.

Третий параграф «Этика закона и метафизика свободы» служит заключительной фазой аналитики и квалификации нравственно-религиозного учения Толстого в контексте всестороннего исследования знаковой для морального сознания мыслителя оппозиции нормы (закона) и идеала. В основании указанного противоречия толстовская мысль обнаруживает гораздо более сложную

теоретическую проблему – фундаментальную антиномию необходимости и свободы в структуре внутренне единой этико-нормативной программы бесконечного совершенствования универсальной духовной сущности человека.

При разрешении данной дилеммы Толстой избирает в качестве наиболее приемлемого для него путь идейного синтеза. Демонстрируемый мыслителем способ стратегической интеграции этики закона и этики самосовершенствования может быть реконструирован в форме следующей логической цепочки посылок и выводов: если свобода возможна для человека только как самосовершенствование, к которому его обязывают предписания высшего морального закона, то сам этот закон является не чем иным, как законом свободы. Последний постулирует себя и действует в двух измерениях: нравственно-практическом – как свобода рационально обусловленного поведенческого выбора, заданного априорной нормативностью морального закона, и общемировоззренческом – как свобода сама по себе (сама в себе) или, согласно характеристике самого Толстого, «безусловная свобода вне пространства, времени и причин». Эта субстанциальная свобода, т.е. свобода вне ее различения с необходимостью, уже не столько предмет этики, сколько – метафизики. Единственным же ее эквивалентом в сфере морального бытия людей является неподвластное какой-либо внешней регламентации духовное движение совершенствующегося индивида к абсолютному идеалу, т.е. цели, заведомо находящейся за пределами области ее реализации, а потому исключаяющей любые социально-психологические или иные ограничения свободного волеизъявления сознательно устремленной к ней личности. Иначе говоря, толстовская модель соотношения идеала и нормы строится как равновесие содержания высшего нравственного законодательства и формы его долженствующего вменения субъекту морали.

Парадоксальность этой категориально-нормативной конструкции заключается в том, что подлинная человеческая свобода имманентна в ней абсолютной моральной необходимости, в силу чего первая не может выступать ни теоретическим, ни императивно-ценностным антиподом последней. Таким образом, рациональная антиномия необходимости и свободы окончательно снимается в структуре этико-философского рассуждения Толстого посредством их всеобъемлющего онтоэтического синтеза, в рамках которого преодолевается относительность де-

терминированной разумом «подзаконной» свободы и подлинная этика закона раскрывается как метафизика свободы. Тем самым, соотношение теоретической и нормативной составляющих нравственно-религиозного жизнеучения Толстого обретает свою органическую завершенность в качестве внутренне обусловленного единства постижения и реализации человеком смысла своего индивидуально-ответственного существования посредством подлинно свободного следования высшей моральной необходимости.

В **Заключении** подводятся основные итоги диссертации, формулируются и соотносятся важнейшие выводы работы, с учетом которых определяются дальнейшие исследовательские перспективы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Монографии

1. Нравственно-религиозное учение Л.Н.Толстого. – М.: ИФ РАН, 2009. – 343 с. (21,5 п.л.)
2. Религиозно-философские истоки мировоззрения Л.Н.Толстого. – Тула: Контур, 2009. – 141 с. (8,9 п.л.)

Учебники и учебные пособия

1. Философия: Программа, учебно-методические материалы. – Тула: ТРФ РПА МЮ РФ, 2004. – 52 с. (в соавторстве с Е.О.Миляевой, 3,3 п.л., авторское участие ½)
2. Концепции современного естествознания: Программа, учебно-методические материалы. – Тула: ТРФ РПА МЮ РФ, 2004. – 40 с. (2,5 п.л.)
3. История философии: Учебное пособие. *Гриф УМО по образованию в области инновационных междисциплинарных образовательных программ при СПбГУ (Решение № 10/05 от 7.06.2005 г.)* – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н.Толстого, 2005. – 356 с. (в соавторстве с М.К.Константиновой, 22,4 п.л., авторское участие ½)

4. Философия: Программа, учебно-методические материалы. – Тула: Тульский филиал РПА Минюста России, 2006. – 34 с. (2 п.л.)
5. История философии: Учебно-методическое пособие: В 4 ч. Ч. 1: Введение в историю философии. Философия Древнего Востока и Античного мира. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н.Толстого, 2006. – 85 с. (в соавторстве с М.К.Константиновой и З.А.Ереминой, 5,3 п.л., авторское участие $\frac{1}{3}$)
6. История философии: Учебно-методическое пособие: В 4 ч. Ч. 2: Религиозно-философская и теологическая мысль христианского и исламского мира в средние века. Философия эпохи Возрождения: Гуманизм и Реформация. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н.Толстого, 2006. – 48 с. (в соавторстве с М.К.Константиновой и З.А.Ереминой, 3 п.л., авторское участие $\frac{1}{3}$)
7. История философии: Тестовые задания: Учебно-методическое пособие. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н.Толстого, 2006. – 58 с. (в соавторстве с М.К.Константиновой и З.А.Ереминой, 3,6 п.л., авторское участие $\frac{1}{3}$)
8. История философии. (Учебно-методическое пособие): В 4 ч. Ч. 3: Философия XVI – середины XIX века в России и Западной Европе. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н.Толстого, 2007. – 77 с. (в соавторстве с М.К.Константиновой и З.А.Ереминой, 4,8 п.л., авторское участие $\frac{1}{3}$)
9. История философии. (Учебно-методическое пособие): В 4 ч. Ч. 4: Западная философия второй половины XIX – XX века. Русская религиозная философия. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н.Толстого, 2007. – 113 с. (в соавторстве с М.К.Константиновой и З.А.Ереминой, 7,1 п.л., авторское участие $\frac{1}{3}$)
10. Философия: Словарь терминов: Учебно-методическое пособие. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н.Толстого, 2007. – 74 с. (в соавторстве с М.К.Константиновой и З.А.Ереминой, 4,6 п.л., авторское участие $\frac{1}{3}$)
11. Концепции современного естествознания: Учебно-методическое пособие. – Регистрация ОФАП № 50200700284 от 12.02.2007. Свидетельство об отраслевой регистрации разработки № 7644 от 08.02.07. (в соавторстве с М.К.Константиновой и З.А.Ереминой, 3 п.л., авторское участие $\frac{1}{3}$)
12. Философия: Учебно-методическое пособие. – Тула: Изд-во ТФ ОРАГС, 2007. – 123 с. (5,05 п.л.)

13. Этика юриста: Программа, учебно-методические материалы. – Тула: Тульский филиал РПА Минюста России, 2007. – 20 с. (1,1 п.л.)
14. Концепции современного естествознания: Учебное пособие. – Тула: Тульский филиал РПА Минюста России, Папирус, 2007. – 80 с. (в соавторстве с З.А.Ереминой и М.К.Константиновой, 4,7 п.л., авторское участие $\frac{1}{3}$)
15. Философия: Программа, учебно-методические материалы. – Тула: Тульский филиал РПА Минюста России, Папирус, 2007. – 35 с. (2 п.л.)
16. Концепции современного естествознания: Программа, учебно-методические материалы. – Тула: Тульский филиал РПА Минюста России, Папирус, 2007. – 26 с. (в соавторстве с М.К.Константиновой, 1,5 п.л., авторское участие $\frac{1}{2}$)

***Публикации в изданиях, рекомендованных в ВАК
для обнародования основных результатов диссертаций
на соискание ученой степени доктора наук***

Статьи

1. Этика как апология жизни (от рационализма к экзистенциализму) // Вопросы философии. – 2005. – № 10. – С. 55-67. (1 п.л.)
2. Л.Н.Толстой и А.Швейцер: о рационализме и мистике в этике // Вопросы философии. – 2006. – № 4. – С. 119-127. (0,8 п.л.)
3. Л.Н.Толстой и И.Кант: проблема обоснования морали // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. Фундаментальные и прикладные исследования. – Выпуск 4 (20). – 2006. – С. 310-312. (0,3 п.л.)
4. Н.Ф.Федоров и Л.Н.Толстой: «общее дело» против «не-делания» (Грани философской критики идеи ненасилия в русской духовной культуре) // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – Вып 1. – Тула, Изд-во ТулГУ, 2009. – С. 13-22. (0,65 п.л.)
5. Понятие насилия в моральной философии Л.Н.Толстого // Вестник РГТЭУ. Научный журнал. – 2009. – № 6 (33). – С. 143-148. (0,5 п.л.)
6. Л.Толстой и И.Кант: в поисках абсолютной морали // Вестник РГТЭУ. Научный журнал. – 2009. – № 10 (37). – С. 165-171. (0,5 п.л.)

7. Критика учения Л.Н.Толстого о непротавлении злу насилием в отечественной религиозно-философской мысли конца XIX – начала XX в.: три основных аргумента // Вопросы философии. – 2009. – № 10. – С. 121-133. (0,7 п.л.)

8. Л.Н.Толстой как философ: Pro et Contra // Этическая мысль. – М.: ИФ РАН, 2010. – Вып. 10. – С. 174-188. (0,8 п.л.)

9. Философия любви Л.Н.Толстого // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – Вып 1. – Тула, Изд-во ТулГУ, 2011. – С. 25-36. (0,7 п.л.)

Рецензии

Мораль без цивилизации или цивилизация без морали? (Размышления о книге А.А.Гусейнова «Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней») // Философские науки. – 2009. – № 11. – С. 132-136. (0,3 п.л.)

Прочие статьи и публикации

1. Сопротивление злу как нравственная проблема, его пределы и возможности (полемика Л.Н.Толстого и И.А.Ильина) // Обновление содержания и инновационные методы преподавания гуманитарных наук в высшей школе: Тезисы докладов Международной науч.-метод. конф. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 1997. – С. 77-80. (0,25 п.л.)

2. Смысл любви в нравственно-религиозном учении Л.Н.Толстого // XXIII Международные Толстовские чтения: Тезисы докладов научной конференции. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н.Толстого, 1997. – С. 23-25. (0,2 п.л.)

3. Проблема блага в нравственной философии А.Т.Болотова и Л.Н.Толстого (опыт сравнительного анализа) // Болотовские чтения: Материалы научной конференции. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н.Толстого, 1997. – С. 38-39. (0,15 п.л.)

4. Соотношение веры и разума в нравственно-религиозном учении Л.Н.Толстого // Научно-практическая конференция памяти Демидовых: Сбор-

ник материалов. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н.Толстого, 1998. – С. 98-101. (0,25 п.л.)

5. Предмет любви в нравственно-религиозном учении Л.Н.Толстого // Логос. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н.Толстого, 1998. – № 2. – С. 16-23. (0,5 п.л.)

6. Проблема человека в нравственной философии Л.Н.Толстого (опыт этико-аксиологического анализа) // Проблема человека: мультидисциплинарный подход: Материалы научной конференции. – М.: Институт человека РАН, 1998. – С. 166-169. (0,25 п.л.)

7. Л.Н.Толстой и Платон: опыт духовной преемственности // XXIV Международные Толстовские чтения: Материалы пленарных заседаний науч. сессии, науч.-практ. конф. «Содружество поколений», Всероссийского семинара «Изучение наследия Л.Н.Толстого в школе и вузе». – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н.Толстого, 1998. – С. 98-101. (0,25 п.л.)

8. Этико-философские основания идеи образования в интерпретации Л.Н.Толстого // Культура и образование: Тезисы докладов межвузовской научной конференции. – Тула: ТОИРО, 1999. – С. 23-24. (0,15 п.л.)

9. Идея Бога и ее этический смысл в понимании Л.Н.Толстого // Вестник регионального фонда соц.-полит. исследований и технологий «СТО»: Сборник трудов ученых центра европ. части России. – Владимир: МАРКАРТ, 1999. – Вып. I. – С. 71-73. (0,15 п.л.)

10. Этический рационализм Л.Н.Толстого (Теоретические основания системного анализа нравственной философии Л.Н.Толстого в контексте традиции этического рационализма) // Вестник регионального фонда соц.-полит. исследований и технологий «СТО»: Сборник научных трудов. – Владимир: МАРКАРТ, 1999. – Вып. IV. – С. 7-27. (1,4 п.л.)

11. Учение Л.Н.Толстого о сущности и критериях «истинного блага» // Вестник регионального фонда соц.-полит. исследований и технологий «СТО»: Сборник научных трудов. – Владимир: МАРКАРТ, 1999. – Вып. VI. – С. 5-12. (0,5 п.л.)

12. Идея рациональности в интерпретации Л.Н.Толстого // IX Межвузовские студенческие чтения «XXI век: гуманитарные и социальные науки»: Тезисы выступлений. – Тула: ТулГУ, 2000. – С. 15-16. (0,1 п.л.)
13. Особенности этического рационализма Л.Н.Толстого // Известия Тульского филиала Современного Гуманитарного Института. – Вып. 1. – Проблемы дистанционного обучения. – Тула: СГУ, 2000. – С. 72-78. (0,4 п.л.)
14. Проблема соотношения веры и разума в осмыслении Л.Н.Толстого (онто-эпистемологический контекст и этические выводы) // Христианство и Культура (к 2000-летию Христианства): Материалы международной научно-практической конференции. 15-18 мая 2000 г., Астрахань. В 2-х ч. – Ч. II. – Астрахань: Изд-во «ЦНТЭП», 2000. – С. 139-144. (0,4 п.л.)
15. «Закон насилия и закон любви» // Этика: Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 2001. – С. 148-149. (0,25 п.л.)
16. Иррациональные границы и смысл этического рационализма Л.Н.Толстого // Толстовский сборник – 2001. Толстой – художник, читатель, мыслитель: Материалы XXVII Международных Толстовских чтений. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н.Толстого, 2002. – С. 99-203. (0,4 п.л.)
17. Метафизические основы нравственно-религиозного жизнепонимания Л.Н.Толстого // Этическая мысль. – Вып. 3. – М.: ИФ РАН, 2002. – С. 211-235. (1,6 п.л.)
18. Сила зла и зло силы (Проблема соотношения понятий зла и насилия в нравственно-религиозном учении Л.Н.Толстого) // Философия ненасилия Л.Н.Толстого: точки зрения: коллективная монография. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. – С. 133-160. (1,5 п.л.)
19. Религиозно-философские искания Л.Н.Толстого: этико-гносеологический синтез веры и разума // Россия и Гнозис: Материалы конференции. Москва. ВГБИЛ 21-22 апреля 2003 года. – М.: Рудомино, 2004. – С. 139-145. (0,5 п.л.)
20. А.С.Хомяков и Л.Н.Толстой: моральный рационализм веры // Духовное наследие А.С.Хомякова: теология, философия, этика: Материалы научной кон-

ференции, посвященной 200-летию А.С.Хомякова. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н.Толстого, 2004. – С. 97-107. (0,5 п.л.)

21. Этика ненасилия Л.Н.Толстого: особенности аргументации // Философия и история права и политики: проблемы и исследования. – Вып. II. – Тула: ТРФ ГОУ ВПО «РПА Минюста России», 2004. – С. 73-101. (1,9 п.л.)

22. Метафизические начала нравственной философии Л.Н.Толстого // Философия и история права и политики: проблемы и исследования. – Вып. II. – Тула: ТРФ ГОУ ВПО «РПА Минюста России», 2004. – С. 102-129. (1,8 п.л.)

23. Л.Н.Толстой и Кант: рациональное обоснование морали и этическая критика разума // Россия и Гнозис: Материалы конференции. Москва. ВГБИЛ 19-20 апреля 2004 года. – М.: Рудомино, 2005. – С. 71-90. (1,1 п.л.)

24. Светская теология в России: А.С.Хомяков и Л.Н.Толстой // Гуманитарная наука в Центральном регионе России: состояние, проблемы, перспективы развития: Материалы VII региональной научно-практической конференции: В 3 т. – Т. 2. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2005. – С. 37-48. (0,8 п.л.)

25. Нравственно-религиозный перфекционизм в истории русской духовной культуры: социально-этический анализ альтернативных моделей // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24-28 мая 2005 г.): В 5 т. – Т. 2. – М.: Современные тетради, 2005. – С. 559. (в соавторстве с М.К.Константиновой, 0,1 п.л., авторское участие ½)

26. Проблема обоснования морали в нравственной философии Л.Н.Толстого и И.Канта // Вестник ТГПУ им. Л.Н. Толстого / Гуманитарные науки // Научный журнал. – № 3. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н.Толстого, 2005. – С. 43-54. (1 п.л.)

27. Философия Л.Н.Толстого: этика и метафизика // XXX Международные Толстовские чтения (7-9 сентября 2005 года): Сборник материалов. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н.Толстого, 2005. – С. 32-47. (0,9 п.л.)

28. Философ ли Л.Н.Толстой? // Роль университетов в поддержке гуманитарных научных исследований: Материалы I Всероссийской научно-

практической конференции (при поддержке РГНФ): В 3 т. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2006. – Т. 1. – С. 240-246. (0,4 п.л.)

29. Индивидуализм и солидарность. Этико-философские размышления о путях жизнеоправдания в истории европейской культуры // Развитие идеи солидарности в традициях западной и русской политической философии: Коллективная монография. – Тула, 2006. – Глава 7. – С. 131-158. (1,3 п.л.)

30. Проблема ценности жизни в этике Л.Н.Толстого и А.Швейцера // Ценностные основы правовой культуры и юридической деятельности: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Тула, 26 апреля 2007 года). – Тула: ТФ РПА, Папирус, 2007. – С. 78-98. (0,9 п.л.)

31. Идея Бога в религиозно-философском синтезе Л.Н.Толстого: метафизические основания и этические выводы // Человек в изменяющейся России: философская и междисциплинарная парадигмы: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Белгород, 4-7 окт. 2006 г.): В 2 ч. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – Ч. II. – С. 28-36. (0,6 п.л.)

32. Антропология Л.Н.Толстого: идеи и парадоксы // Сборник научных трудов. – Тула: ТФ РПА, Папирус, 2007. – С. 192-202. (1,05 п.л.)

33. Понятие веры в нравственно-религиозном учении Л.Н. Толстого: метафизические основания и этический смысл // Сборник научных трудов. – Тула: ТФ РПА, Папирус, 2007. – С. 203-212. (0,9 п.л.)

34. Мораль и разум: история одного конфликта // Роль университетов в поддержке гуманитарных научных исследований: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции: В 3 т. – Т. 1. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н.Толстого, 2007. – С. 67-72. (0,35 п.л.)

35. Концепт «истинной религии» в этикотеологии Л.Н.Толстого и И.Канта: опыты философской компаративистики // Формирование морально-ценностных и правовых основ современной культуры: истоки и перспективы: материалы межвузовской научно-практической конференции. – Тула: ГОУ ВПО ТФ РПА Минюста России, Папирус, 2008. – С. 84-102. (1,1 п.л.)

36. Концепция человека в философии Л.Н.Толстого // Вестник ТГПУ им. Л.Н. Толстого / Гуманитарные науки // Научный журнал. – № 5. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2008. – С. 67-69. (0,3 п.л.)
37. Этико-антропологическая критика идеи собственности в философии Л.Н.Толстого // Роль университетов в поддержке гуманитарных научных исследований: Материалы III Международной научно-практической конференции (при поддержке РГНФ): В 5 т.– Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2008. – Т. 1. – С. 58-63. (0,35 п.л.)
38. Этика Л.Н.Толстого: герменевтическая архитектоника и категориальная систематика // Толстовский сборник – 2008. Л.Н.Толстой – это целый мир: Материалы XXXI Международных Толстовских чтений, посвященных 180-летию со дня рождения Л.Н.Толстого: В 2 ч. Ч. II. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н.Толстого, 2008. – С. 170-183. (0,7 п.л.)
39. Собственность как предмет этико-антропологического анализа: версия Л.Н.Толстого // Теория и практика современной торговли: Сборник научных трудов. – Тула, Изд-во ТФ РГТЭУ, 2008. – С. 14-17. (0,25 п.л.)
40. Антропологическое учение Л.Н.Толстого: теоретические основания и практический смысл // Этическая мысль. – М.: ИФ РАН, 2008. – Вып. 8. – С. 65-86. (1,1 п.л.)
41. Вера как стратегия жизни (Размышления о природе веры Л.Н.Толстого) // Этическая мысль. – М.: ИФ РАН, 2009. – Вып. 9. – С. 65-84. (1 п.л.)
42. «Истинная религия» Л.Н.Толстого // Философия и этика: Сборник научных трудов. К 70-летию академика А.А.Гусейнова. – М.: Альфа-М, 2009. – С. 291-305. (0,7 п.л.)
43. Н.А.Бердяев и Л.Н.Толстой: рационализм или непротивление? // Сборник научных трудов; Тульский филиал ГОУ ВПО РПА Минюста России. – Тула, Папирус, 2009. – С. 189-193. (0,3 п.л.)
44. Метафизические основания нравственно-религиозного жизнепонимания Л.Н.Толстого // Этическая мысль: современные исследования. М.: Прогресс-Традиция, 2009. – С. 364-390. – (1,2 п.л.)